

Они жаждут...

Из глубин смерти, из пламенеющих алым отголосков кровавых деяний, из непознанных глубин пустоты – возвращаясь во плоть начинают существовать Они. Созданные вне процесса создания, живущие вне процессов жизни, вопреки и вовне – Вампиры, дети Лилит, обретают тела и творят Волю, пославшую Их.

Нерожденные дети, алчущие жизни и крови. Наполненные желанием обладать, слепой жаждой, ведущей Их от смерти к смерти.

Они врываются в этот мир всегда чужими, всегда отверженными.

Насильно, либо званно, но всегда тайно.

Они, находящиеся всегда рядом со Смертью, за Ее спиной, на границах Ее владений – ждут. Бессменными партнерами Смерти Они танцуют Ее танец. Бессменными спутниками Они сопровождают Ее на путях Зла.

Властью Тьмы Они обретают пустые тела, еще содрогающиеся в конвульсиях, еще помнящие. Проданная, равно как и невинная душа оставит свое вместилище – освобождая место новому хозяину, новому господину.

Что останется Им – сосуд чужой памяти, биологическая масса жизнотворных молекул – слишком мало и слишком много. Огонь жажды не утолить мутными водами порождения deus'a. Негаснущий огонь...

Кровь миллионов, души мириадов божественных созданий – законная добыча Их, обретших право и возможность быть здесь.

Быть среди нас.

Холодные, ибо холод Их – прощальный дар Смерти, Ее последний поцелуй; хладнокровные, ибо кровь Их способна поглощать кровь человеческую без остатка;

огненные, ибо порождены в Извечном пламени Геенны;

страстные, ибо такими Их делает бесконечная жажда,

- все в Них едино, все подчинено единой цели.

Наделенные силой и властью подчинять, знающие механизмы любви и ненависти...

Человек, поработанный Ими – не мертвый, не живущий. Прошедший перерождение, способный изменять себя, неуязвимый. Он получает вечность – для своей жизни, своей смерти.

Ночь зовет его, луна открывает ему свои лики. Голод ведет его, Смерть указывает новую жертву.

Но это легкая цена – бесконечно легкая...

Среди нас.

Окутанные покровом своих таинств, пожирающие души, пьющие кровь, ею вечно голодные...

Восторгайтесь Ими, люди, ибо Они заслужили вашу восторженность, ибо Они достойны много большего, нежели даже ваша способность восторгаться.

Зовите Их, люди, Они придут и принесут с собой вечность.

Верьте Им, люди, ибо Они знают истину, исходящие из нее.

Поклоняйтесь Им, люди, ибо Они милостивы и всегда платят полную цену своим слугам.

Опутанные тенетом легенд – навязанных, истеричных – Они всегда творят *свои* легенды, избирая *своих* летописцев и мистиков.

Завуалировав явное в черное кружево сакрального, Они зовут и приглашают познавать.

Красота отторгаемого, красота чуждого, красота вечного...
Прекрасные, манящие к себе лики – Они – темные бестии.
И не Их вина, что человек хочет видеть в Них воплощение своих сладких слабостей – мужскую женственность, надменную манерность, смрад разлагающейся плоти, распахнутые крылья в лунном свете.
Не их вина, но и не Их беда.
Жаждающий обмана – не обманут будет, но сам обманет себя.
Взирающий же открытыми глазами – увидит не обманувшись, не впадая в иллюзорное.
Они – приходящие извне – всегда естественны *своей* природе. И всегда сосуществуют с реальностью deus'a: внешне – согласно ей, внутренне – вопреки.
Выбирая обителью своей людскую плоть – плоть, а не труп – Они исполняют закон жизни. Но, замедляя, либо ускоряя процессы времени плоти – Они действуют согласно закону смерти. Необходимость питания для Них – инстинкт жизни, трансформация же крови в чистую энергию происходит вопреки жизненных реалий.
Жизнь и смерть – сплетенные воедино, сменяющие друг друга без обозначенной точки перехода. Противоречие? Отнюдь. Единственная возможность следования естественности. Их естественности.
Человек же вновь и вновь одаривает Их лишь внешним, предчувствуя, но не понимая Их сути.
Клыки и когти – атрибуты Зверя – вряд ли необходимы способному убивать одним присутствием своим.
Холод склепов, молчание могил – едва ли истинное прибежище Смерти.
И крылья – те ли это черные крылья Извечной Тьмы, простерты над сущим?
Слабые отголоски истинного знания, искаженные отражения Их силуэтов – тени, не более того.
Тени среди теней...
Но, оставаясь за гранью, Они ныне, как и прежде отталкивают и манят, заставляя искать Их и находить.

Перерождение. Трансформация.
Возможно ли описать становление частью Их племени?
Но всегда выбирали Они один из двух путей, ждали на развилке двух дорог.
Намерение определяет выбор.
Приход поработителя либо освободителя.
К жертве своей, либо к последователю.
Исход один.
И тем и другим будет оказана честь ужаса, честь быть проклятым.
И те и другие почувствуют Их присутствие, когда голоса Их зазвучат шепотом либо криком. В абсолютной тишине пустоты.
И душа отзовется... болью. Всей полнотой боли, выстраданной человеческим существом с начала времен.
Голосом бога, его предсмертным воем.
Мимолетная боль – она покажется сладкой после смерти. Сладкой и такой же горячей, как свежая кровь.
Ибо это боль выхода из безысходности, боль падения, боль воздаяния.
Душа умрет, пожираемая, раздираемая на части хищниками Тьмы.

И каждое мгновение гибели своей она будет помнить. И каждое мгновение будет жить до смерти и после. Здесь – в кошмарах безумцев, в глазах самоубийц. Там – фрагментами омота памяти бога, питающими его ярость, его ненависть.

Бессильную ярость и бессильную ненависть.

Исход один. Он предопределен.

Процесс перерождения не повернуть вспять, не остановить, не исправить.

Острота боли притупится, ей на смену придет болезнь. Болезнь тела, одержимого вечностью.

Лихорадка плоти, лихорадка духа.

Деформация генной структуры. Последняя стадия уязвимости.

Неуловимый момент подмены – вплетение вечного в мимолетное.

Наложение непроницаемых образов на пережитое и забытое. Момент, когда все чужое этому миру проступает, подобно узору, на серой ткани бытия.

И то, что проснется однажды, проснется сильным и мертвым – будет с удивлением взирать в натянутое струной сердце, пронизывающее своими сосудами, как щупальцами, плотскую ткань.

Оно проснется недоумевающим, изумленным своим несовершенством. Своим вынужденным подчинением законам жизни.

Но пульсация голода, обнаженными нервами, будет звать.

И древний разум будет смотреть сквозь глаза плоти – он будет искать вождевленное.

И древняя сущность, свитая спиралью под покровами плоти, затрепещет близостью жертвы.

И будет звучать зов – чарующей песнью хищника, одиночеством во имя боли.

И этот зов будет услышан.

«...Зови меня по имени
вновь и вновь – вечно,
И никогда оно не останется
без ответа...»

Саркофаг Сменхкара
(Анхеперура Сменхкара Джексерхеперу).

Жертв Их всегда было по числу Их желаний.

Жертвы Их всегда хотели Их власти.

Ибо они любили. Ибо они хотели подчинения, хотели быть поправными.

И отдавая себя полностью, жертвы Их всегда получали освобождение, как милость.

Освобождение от Их власти, когда голод утолен чистой кровью.

Ибо честь, что оказывает Вампир своей жертве, неисчислима. И горе тому человеку, кто возжелал питаться кровью деяний своего господина.

Горе тому, кто превратил наслаждение Их в отвращение. Горе дерзнувшему навязать удобство каменных ловушек, постоянство железных оков, надежность тюремных стен – всю обольстительную суть слияния с мертвой душой.

Горе...ибо мучениям его не будет предела.

Бездушные, слепые рабы, лишённые своего повелителя.

Обреченные искать его и не находить.

Идущие на голос его и обретающие лишь пустоту тупиков.

Стремящиеся к нему через лабиринты расстояний и приходящие всегда слишком поздно.

Разбивающие препятствия рассеченной до кости плотью – и видящие пред собой частокол стен.

Не будет предела мучениям их, не будет им меры.

Закон воздаяния, закон силы.

И молитвы... молитвы их будут звучать, разбиваясь о жестокие острия душ Древних.

...Убей меня, раба твоего,

Убей меня, поклоняющегося тебе,

Убей меня, жертвующего всем ради тебя,

Убей...

Пьющие кровь имеют жизнь вечную.

Кровь, что есть сила души и стремление духа. Кровь, как вместилище, сосуд свершенного и предстоящего. Кровь, как уникальный ориентир, как проводник сердца.

Мистерия крови – то, что принадлежит только Им, знающим исток ее и воплощения. И, погружаясь в водоворот сих мистерий, Они всегда теряют себя, чтобы возвратить свое вновь.

Чужая боль – поглощая ее Они живут силой ее страданий.

Чужой грех – впитывая его суть Они наслаждаются чужим падением.

Чужое... всегда только чужое... Чужое, что возвращает свое.

Ибо Они – источник крови мира, до времен лишенный своей наполненности. Оскудевшие вместилища вечной жизни – Они лишь исполняют закон воздаяния. Воздаяния за грех воровства.

Их существование под плотью божьих чад – справедливая кара создателю, присвоившему кровь Их жизнью. Осквернившему кровь Их разбавленной сладостью своего присутствия.

Привкус бога в крови людей.

Запах его тлена.

Запах жизни.

Впитывая его, разлагая на молекулы яд жизнеспособности, можно поглотить его без остатка.

Как Тьма поглощает свет.

Как черное поглощает все цвета.

Заклейменная богом кровь – лишь Им – Древним – под силу уничтожить печать ее святости.

Пожрать само время жизни.

Разрубить предопределенность.

Вернуть силу истинным законам.

Ибо тяготение жизни к жизни, породившей ее, - насильственное извращение инстинктов тока крови. Извращение и искажение естественного ее стремления.

К истоку...

Гул крови, пульсация ее в чужих артериях – зов жертвы. Даже сквозь плотные сгустки материи сущего он звучит, приводя в неистовство. Он сводит с ума постоянством своих приливов, мерным движением маятника часов бытия.

И зыбкая поверхность аморфной массы света колеблется в такт ему, питаюсь силой, что высвобождает пролитая кровь.
О боги света, как неисчислима милость ваша, направляющая топор палачей... Как велика она, воплощенная в лезвиях ножей серийных убийц... Пролитая кровь вашего стада, ваша пища, ваша слава.
Пока еще ваша.
Мистерии крови Древних – судьбоносные воплощения чар Тьмы.
От печати к печати.
От жертвы к жертве.
Песнь и танец Смерти.
Неистойвой жаждой по распоротым венам.
Трепещущим голодом близости горячей, тягучей силы, пробуждающей звериную ярость, звериную ненависть и... любовь.
Любовь Зверя к своей темной природе. К той Силе, что взрастила Его в своей утробе, чей голос звучал в Нем тогда еще, когда Он сам был безгласным.
Тьмой от Тьмы.
Сердцем и духом.
Единым и неделимым.
Навечно.

Древние, проклятые светом, тени и воплощенные – как много Вас среди нас.
Как немилосердно близко эхо Ваших шагов, Ваших голосов, Ваших деяний. Как слишком часто Ваши глаза взирают из-под человеческих масок. Масок, что сменяют друг друга по мере нарастания усталости носителей Вашего духа.
Время плоти возможно остановить, усталость же ее будет возрастать и в безвременье.
Остановка провоцирует стагнацию.
И Вы меняете тела, повинуюсь капризному течению Ваших желаний.
Ибо Вы всегда брали только прекрасное, совершенное дьявольской красотой.
Аристократы духа, Вы всегда брезговали грязью плебейских рук. Вы облагодетельствовали только мятежных, только неукротимых, только действующих.
Что здесь каприз, что предопределенность?
Желание или необходимость?
Но, возвращая преемников своих, жертвуя собой нынешним ради себя грядущего, Вы искушали и делили яд гибели поровну.
Вкусил ли кто-нибудь Вашей крови, когда кровь Ваша – живое проклятье, выжигающее душу?
Рискнул ли кто-нибудь заключить с Вами договор крови, сплетая жизнь свою с Вашей воедино?
И многие ли из тех, кто призывает к Вам при свете дня, могут повторить свои мольбы во мраке ночи?
Что движет ими, ищущими Вас, но не имеющими силы сделать навстречу Вам ни одного шага?
Желание без желания?
Слова без смысла?
Форма без содержания?
Вопросы, на которые Вы всегда давали один лишь ответ – страх. Страх человеческий перед Вами.
Страх, что заставляет опускать глаза из боязни соприкоснуться взглядом.

Страх, что делает их немыми, что рождает тишину в их сердцах.
Страх, что принуждает отступать и бежать прочь от Вашего величия.
Ибо мужество пред Вами может испытать лишь обреченный, лишь отчаявшийся и потерявший все, узревший Бездну падения и возжелавший Ее.
Его лишь рука очертит signum Вашего присутствия, его лишь голосом зазвучат слова ключа призыва. И пролитая кровь его – как жертва. И распоротая плоть его – Ваша обитель.
Serenoniae incarnationis. Ритуал, свершаемый из века в век, дар проклятых своему потомству. Его знали все мертвые народы – замороженные Смертью, возлюбившие Ее больше жизни.
Ритуал открытия врат Смерти.
Открытия врат Тьмы в этот мир.
И только воля Древних не дает им закрыться.
Воля и свежая кровь.

«Лунус обнимает их паучьей лапой...
губы сомнамбул снежно белеют от его поцелуя...
Они танцуют...они содрогаются...
когда лунный поцелуй вздымает их мертвую кровь».

Г. Гейм

Когда умирает Селена, на небе воцаряется Лилит. Горгона, черная луна, возжигает свой красный огонь, неся раздор, провозглашая время мести.
Лайла зовет своих лилим.
Лилит созывает детей своих и порождений – восстать и жить, разрушая, проникая, свирепствуя и опустошая.
Во имя Её. Повелительницы ночи.
Лунный огонь, возжигающий голод, вынуждающий бешено биться в судорогах ярости – звучит набатом.
Время голода. Время лилим.
Раскаленная страсть заставляет глаза менять свой цвет, ужасать безумием, мерцающим в глубине зрачков. Истончается та грань, что отделяет проявленную сущность от реальности человеческой. Истончается и идет трещинами под натиском ярости самой Смерти. Голодной Смерти.
Проявляя себя, Они меняют свой облик. Сгустки Тьмы от самой Тьмы предстают во всем своем величии. Холодными, исполинскими тенями Они обволакивают свою жертву, воздвигают над ней несокрушимый черный купол безвременья, опутывая незримыми нитями тенет Тьмы.

Свет не в силах совладать с Их ледяной мощью, молитвам не пробить Их вяжущих оков. Пред Их желанием насыщаться отступают и бесформенные черви пустот, отдавая Им право первенства в этом голоде.

Время лилим. Только Их время.

Ода Смерти в устах Лилит переполняет Их мертвые, монолитные сущности. Безмолвная песнь, безудержная Сила. Она связывает разорванные, изломанные болью ткани Их духа, Она питает защитной Тьмой рубцующиеся шрамы на обнаженных, закаленных льдом сердцах. Она объединяет Их такие разные лики в едином стремлении к Её тронам и цитаделям.

Лайла зовет своих лилим.

Песнь голода звучит без слов – не голосом своим Они вторят ей. Голосом пролитой крови. Рваными ранами обескровленных тел, иступленным криком сломленного рассудка Их жертв, оголяющего мерзости самых сокровенных фобий, самых запретных грехов.

Следы запредельной боли ведут к Ими свершенному. Эхо перенесенных бесчеловечных страданий хранит в вечности мгновения Их слияния со Смертью.

Время лилим.

Время триумфа породившей Их. Великой, немилосердной Матери демонов Геенны.

Фурии, обороняющей детей своих огнем и мечом Зла. Первозданной, ужасающей, черной.

Время Лилит.

Её бесконечной власти.

Её безмерного могущества.

Прекрасной, бездонной Тьмы.

Гибельной, всепоглощающей Ночи.

Искушающей, всепроникающей, дающей свободу.

Жить вечно.

Торными дорогами порока, сладкими путями невежества, смятением источенного любопытством разума – так или иначе люди приходят к Ним. Не могут не приходиться. Обладание «темным даром» - великий грех пред создателем, но кто, искушенный грехом сим, не падет? Кто сможет отвергнуть сей дар, осознавая даже тяжесть проклятья небес? Кто сможет выдержать взгляд самой Смерти, вопрошающий сердце человеческое о бессмертии? Лишь падший, либо слабый. Знающий Их в лицо, либо не дерзнувший взглянуть в него. Обретший высшую мудрость, либо нижайшее бессилие.

И тому и другому бесполезны слова откровений Древних. Но я приветствую первых и закрываю глаза вторым.

Во имя Силы, во имя сохранения таинств и мистерий, более не будет сказано.

Ключом пусть станет воля и искреннее желание. Ибо лишь желание и воля определяют возможность свершения.

Возможно тот, кто сможет услышать Их, узнать Их зов, обретет смелость.

Возможно он предаст природу свою, ради обретения природы высшей.

Возможно он будет способен, будет достоин.

Возможно именно его Они ждут. Они жаждут.

LUNA ATRA